

Грань любви и одержимости

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ева Васильева

18+

Ева Васильева

Грань любви и одержимости

<https://litres.ru/74373483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — Диана. Официантка, ищущая правду о смерти подруги. Но правда оказалась слишком опасной, а её поиски привели к тому, что она даже представить не могла.

Он — Хан. Криминальный авторитет, не верящий в любовь и не терпящий прикосновений. Его дом — крепость без женщин. Сердце — лёд. Жизнь — власть, деньги и постель по его правилам.

Она попала к нему не случайно и теперь перед ней выбор: либо враги растерзают, либо стать его игрушкой.

Он не проигрывает. Не отпускает. Ломает, подчиняет, забирает. Но эта хрупкая девочка с огнём в глазах сломала его сама — не оружием, не деньгами, просто взглядом.

Она ненавидит его за каждое прикосновение когда теряла себя в его руках.

Он одержим не телом — её душой. Готов сжечь мир ради её улыбки. Но сможет ли она принять монстра? Полюбить?

Это история о том, как любовь и одержимость сплетаются в тонкую грань. Боль становится наслаждением, а страх — страстью.

Никаких розовых пони. Только правда. Грязная, жёсткая, обжигающая. Настоящая.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Грань любви и одержимости

Глава

Глава 1

— Ты прости, что дёрнула в выходной. Но у меня не хватает рук. Сегодня большой заказ. Плачу в двойном объеме. Как справишься?

Справлюсь ли я? А что мне остаётся делать. Мне ещё Ольгиной маме помочь надо.

— Всё нормально будет, не переживай.

— Точно?

Она сканирует меня взглядом. Выпрямляюсь, отодвигаю эмоции на второй план. Выдаю свою самую лучшую улыбку. Губы растягиваются в улыбке, но внутри всё каменное.

— Чёрт, Диана, вот смотрю на тебя и не пойму: такая маленькая, хрупкая, а стержень в тебе железный.

Морщусь при упоминании про рост. Да, он не велик. Сто пятьдесят восемь сантиметров. Но шпильки — наше всё. Ольга всегда смеялась, что я срослась с этими туфлями.

— И ещё: что бы ни случилось — держи себя в руках.

— Да всё нормально будет.

Иду на кухню, беру тарелку с тарталетками. Всё как обычно. Богатые опять что-то празднуют, не замечая спящих туда-сюда официантов. Они сами для меня безликие. Мысли только об одном: быстрее бы смена кончилась, снять эти дурацкие туфли. Ноги гудят, в спине ноет — три часа на каблуках дают о себе знать.

Захожу на кухню, останавливаюсь возле раковины. Включаю кран, жадно глотаю воду. Она холодная, обжигает горло, но я чувствую только пустоту. В животе урчит. Чёрт, я же с утра ничего не ела. Поправляю одежду, беру поднос с шампанским. Там так громко играет музыка, что мой желудок никто не услышит.

«Только в обморок не упади»

Не упаду. Шикаю на свой внутренний голос. Я не сумасшедшая, просто одиночество убивает, приходится вот монологи самой с собой вести. Зато не скучно.

Только делаю шаг — как в открытую дверь влетает мужик. Ну как влетает — падает мне прямо под ноги. От столкновения по инерции поднос летит вниз, и я вместе с ним. При падении выставляю руки вперёд, осколки больно впиваются в ладони. Гашу крик в себе, лишь губу закусываю — до крови, до металлического вкуса во рту.

— Терентьев, ты меня достал.

Слышу грозный голос, от которого покрываюсь холодным потом. Поворачиваю голову — и в проёме появляется его обладатель. Это не человек, это пуленепробиваемый гигант.

Сколько в нём? Два метра? И вес килограммов сто. Пиджак явно сшит на заказ, обтягивает его плечи, того и гляди треснет по швам. Короткая стрижка, полные губы и тёмно-синие глаза, которые смотрят сейчас прямо на меня. От его взгляда мурашки бегут по спине.

— Хан, ну не здесь же.

За ним появляется ещё один.

— Оу. Не ушиблась? — это он уже мне.

Подскакивает ко мне, по дороге отпихивая того, кто свалил меня. Тот лишь стонет. Живой, гнида. А лучше бы он тебя прикончил. Вместе с племянничком, уродом.

Мне помогают подняться на ноги. Ну как помогают — поднимает меня как пушинку и ставит перед собой. Я чувствую его руки на своей талии — горячие, сильные. Смотрит на мои руки. Они кровоточат. А я не могу глаз отвести от того, кто Терентьева ударил. Он смотрит на меня, сканирует. От его взгляда гореть начинаю.

— Эй, малышка, ты в порядке? — обращается он ко мне, и сейчас в его голосе другие интонации, не такие ледяные.

Отвожу взгляд от него. Смотрю на свои руки, включая кран, смываю кровь. Вода розовеет, стекая в раковину. И опять перед глазами Ольгины глаза и её руки все в крови. Один осколок застрял в ладони. Вытаскиваю его, сжав зубы. Чёрт! Чёрт! Тонкое стекло вспорол ладонь. Кровь хлещет, не останавливаясь.

— Тут швы нужны.

Вздрагиваю от неожиданности. Он за спиной моей стоит. От его близости внутри всё проворачивает, вспарывает на живую.

— Твою мать, ты не мог аккуратней этому мудиле въебать... Или подождать.

— Я и так долго ждал. Малышка, всё нормально.

Я лишь пожимаю плечами, заворачиваю руку в полотенце. Малышка? Конечно. По сравнению с этими викингками — я малышка.

— Всё нормально, — повторяю за ним. — Мне работать надо.

Хочу уйти, но мне не дают. Хватает мои ладони, от его касаний руки огнём жечь начинает. На левой даже кровь уже не идёт, так царапинки. А вот на правой уже полотенце кро-

вью пропиталось.

— Мой косяк — значит, мне и исправлять. Идём.

Тянет меня за локоть. И вот тут я упираюсь. В голосе вместе со страхом сталь появляется.

— Эй, большие боссы, если вы не заметили — я тут работаю. На хлебушек зарабатываю. Пусти.

Вырываю свою руку. Но куда мне. Слона и Моську помните? Примерно та же картина. Он, наверное, так же думает, потому что лишь хмыкает, смотрит на другого.

— Амир, этого... — смотрит на меня, — домой к нему отправь и жди меня там. И Тамаре скажи, что по моей вине её официантка пострадала, скажи, убытки компенсирую.

Тамаре? Он знает мою начальницу. Господи, ты боже мой, конечно знает. Он ударил самого влиятельного человека нашего города.

Да кто он такой?

Громила не слышит мой внутренний монолог. Он просто поднимает меня на руки и идёт на выход. Я уже набрала воздуха, чтобы заорать.

— Только попробуй заорать — вырублю.

И я ему верю! Этот может! Ладно, я подожду. Я терпеливая. Как только пойму, кто это — сразу всё ему выскажу.

«Посмотри, кто он и кто ты. Выскажет она ему, как же».

За мысленным диалогом сама с собой не замечаю, как мы выходим из здания. На улице его тут же окружает охрана.

Смотрят на меня и тут же взгляд отводят. Открывают дверцу чёрного джипа.

— Я сам поведу.

Усаживает меня на переднее, сам пристёгивает. Бью его по рукам. Поднимает на меня свои синие глаза. Приподнимает бровь.

— Я сама.

Он лишь кивает, закрывает дверь, обходит спереди и садится на водительское сиденье. Заводит двигатель. В зеркало вижу, что за нами следует его охрана. И зачем такому борову охрана? Смотрю, как он сжимает руль — того и гляди баранку оторвёт. Руки у него крепкие, сильные, красивые.

«Какая баранка, какие на хрен руки. Он куда тебя везёт. Очнись уже».

— Извините, а куда мы едем?

— А ты как думаешь?

Скалится? Или улыбается? Это он так шутит, что ли? Шутник, блин.

— Избавляться от свидетеля.

Нет, а что я могла подумать? Мужик явно не в гости к нему поедет. Гостей так не приглашают.

— Ещё варианты есть?

— Других нет.

Машина резко тормозит возле приёмного покоя. Он что, меня реально в больницу привёз?

Пока приходила в себя, меня опять на руки поднимают.

Заносит в отделение, проносит мимо регистратуры, на ходу бросает девушке в белом халате:

— Василич где?

— У себя.

Тараторит она, а он даже шаг не сбавляет. Навстречу нам вылетает доктор на вид лет пятьдесят. Он что, и врачей здесь знает?

Меня усаживают на кушетку. Доктор молча осматривает мою руку.

— Определённо швы. Светочка, приготовь анестезию...

— Нет, — кричу я и уже спокойней добавляю: — У меня аллергия.

— Так, понятно.

Доктор хмурится, смотрит на того, кто меня принёс. А у меня перед глазами Ольга и её взгляд. Кровь повсюду, кровь. Слова следователя всплывают не вовремя в голове. Я так устала за этот день. Ничего не хочу. Домой. Мне надо домой.

— Доктор, зашивайте уже.

— На живую? — удивляется он.

— Да.

Перед глазами Ольга. Боль невыносимая от её потери, от того, как с ней поступили, оболгали. Вот такие же богатеи. Только вот за что? Что она им сделала?

Вижу, как он приготавливает всё. Внутри всё пусто, ни хрена, я ничего не чувствую. Сижу с каменным лицом, а внутри горю и кричу. Тот, кто принёс, смотрит прямо на ме-

ня, чувствую его взгляд — он обжигает. Отрываюсь от манипуляций доктора. Смотрю прямо на него. Глаза в глаза. Я как в вакууме опять. Никого нет вокруг, лишь он и его тёмно-синие глаза. Разве такие бывают? У меня вот голубые. А у него — тёмно-синие. Его можно назвать красивым, но вот эта аура «убью» отталкивает.

— Ну вот и всё. Молодец.

Слышу голос доктора. Отрываюсь от его лица. Смотрю на ладонь, которую уже перевязали.

— Не мочить. Завтра ко мне на перевязку.

— Я в свою поликлинику схожу.

— Она приедет.

Говорим одновременно. Ладно, потом с ним разберусь.

Встаю на ноги. Чёрт, чёрт. Ноги гудят. Проклятые туфли. Но не босиком же идти. Ладно, сейчас такси вызову.

— Твою мать.

Вылетает из моего рта, как только выхожу на улицу. Резко торможу и тут же в спину он впечатывается. По инерции отскакиваю от него, как футбольный мяч, и лечу вперёд, но не успеваю встретиться со ступеньками — меня хватают и вжимают в своё мощное тело. Воздух вылетает из лёгких. На секунду теряюсь, прижимаюсь к крепкому телу. Какого это — когда за тобой стоит вот такой мужчина? Вспоминаю следователя. Интересно, ударил бы он меня, если бы со мной был он?

— Ты в порядке?

Спрашивает он, не отпускает, держит. А у меня всё огнём горит. Чувствую, как его руки сжимают мои плечи, как его дыхание касается моего затылка.

— Да. Просто телефон, деньги, сумка — всё там оставила. Говорю и отхожу в сторону. Он лишь хмыкает и, открыв дверь, достаёт мою сумочку.

«А он заботливый»

Заткнись. Все они заботливые, до поры до времени. Открываю, проверяю, всё ли на месте.

«Ага, прокладка ему твоя понадобилась или последняя тысяча. Ему на бензин как раз не хватает».

Достаю телефон, хмурюсь. Мне всё-таки к психологу или неврологу нужно сходить. Я раздвоением личности страдаю. К добру это не приведёт.

— Садись, — слышу ледяное.

— Спасибо, я такси вызову.

— Не беси меня. САДИСЬ.

Повышает голос. От его тона по спине пробегает холод.

— А если не сяду — то что?

— Хочешь узнать?

Отвечает вопросом на вопрос. Бесит. Как же он меня бесит. Хозяин жизни, блин.

— Спасибо, но дальше я сама.

— Садись, я сказал. Я виноват, ты по моей вине пострадала. Так...

— Слушайте, спасибо вам за помощь. Я без претензий.

Правда. Но дальше я сама. Мне ваша помощь не нужна.

— Да блядь! В кого ты такая упрямая? Садись, до дома доведу. — потом немного добавляет: — Не бойся. Не трону.

— Нет.

Упрямо твержу. У него сдают нервы. Меня хватают и за-совывают в машину, опять на переднее. Пристёгивает. Моё возмущение никто не слушает. Заводит двигатель.

— Адрес.

— Я могу такси вызвать.

— Ну и отлично, значит, ко мне.

— Нет! — кричу на него.

— Адрес.

Припечатывает он. Делать нечего, называю. Молчим. До моего жилья ехать минут двадцать. Окраина ведь.

— Вы что, добрый самаритянин?

— Нет.

— Я бы сама добралась.

— Я же сказал: по моей вине пострадала.

— И что? Другой бы даже не обратил внимание.

— Я не другой.

Молчим. Едем в полной тишине, он даже радио не включает. Смотрю на него украдкой. Я в городе давно живу, а его первый раз вижу. Да кто он такой?

— Вы не здешний? — решаю уточнить.

— У тебя заниженный болевой синдром?

Говорим одновременно. Он смотрит на меня. Взглядом

выворачивает, у меня внутри всё узлом завязывается, жарко становится, кровь к лицу приливает.

— Вы это... на дорогу смотрите.

Отвечаю ему и сама первая отворачиваюсь. Смотрю в окно на проплывающие огни города.

— Не бойся, у меня всё под контролем.

Вздрагиваю от этих слов. Ольга тоже всегда их повторяла. А потом вены вскрыла.

— Ты так и не ответила!

— Я привыкла к боли.

— БДСМщица, что ли? — улыбается.

— Чего? Нет! С чего вы взяли. — Фу, я знаю, что это. Это когда от боли удовольствие получаешь. Или удовольствие на грани боли. Короче, это не моё. Всё. Точка.

— Другая бы уже в обморок упала от боли, а ты...

— Иногда физическая боль ничего не значит по сравнению...

Не договариваю, молчу. Зачем ему мои проблемы.

— Что случилось? Могу помочь?

Глава 2

Лежу в кровати своей однушки. На улице светает, а за окном уже слышен пьяный галдеж. Время шесть утра, а у людей уже праздник. Накрываю голову подушкой — ткань пахнет моим шампунем, но не спасает от звуков. У меня сегодня выходной, имею права поваляться подольше. Но незна-

комец не выходит из головы. Нет, он определённо не из нашего города. Я даже знаю, кого он ударил — Терентьев Сергей Вадимович, владелец банка. Банкир-вымогатель, мне его даже не жалко. Урод даёт людям в долг, а потом назначает баснословные проценты. Неужели кто-то сильнее и влиятельнее его есть? Если это так, может, попросить помощи у этого мужика? Как его зовут, кстати? Другой произносил его имя вроде... или нет. Не помню.

Ольга связалась с племянником этого самого Терентьева. Роман очаровал Ольгу, спас от местной гопоты — вот она и растаяла. Бегала за ним: звонок от Романа ночью — она бежит. С работы и то отпрашивалась. На мои слова всегда отвечала:

— Не бойся, у меня всё под контролем.

Просто она мечтала вырваться из нищеты, помогать матери, у которой больное сердце. Она и меня попыталась затаскать на их тусовки, но мне не нравился Роман. От него веяло неприятностями. Как объяснить? Вот смотришь на человека — а он вызывает неприязнь. Ненастоящий, фальшь в каждом движении. Улыбочки и шуточки его меня до бешенства доводили, а Ольге нравилось. Не зря говорят: влюблённые не замечают ничего вокруг. Вот и она была влюблена. Её маме Роман тоже не нравился. С ней она тоже поссорилась, хлопнула дверью и ко мне переехала. Я разговаривала с её мамой, мы обе пытались повлиять на неё.

А потом что-то изменилось. Она изменилась. Стала нерв-

ной, замкнутой. Однажды я увидела у неё на руке синяк. Мы сильно поругались — больше живой я её не видела. Её не было всю ночь, телефон молчал. Утром я как обычно ушла на смену. Ну а вечером...

Вечером мне поступил от неё странный звонок. Она плакала и просила помочь, говорила, что её обязательно убьют, просила позаботиться о маме. А вернувшись в пять утра со смены домой, я нашла её в ванной, полной крови. Я до сих пор вижу её мёртвые глаза, которые смотрели прямо на меня.

Дело быстро закрыли. Следователь сказал, что это самоубийство — она сама вскрыла себе вены. А то, что всё её тело было в синяках, они проигнорировали. Матери выдали тело. А нет тела — нет дела, и это самое дело закрыли.

Мы говорили с патологоанатомом, вернее, я говорила. Меня попросили не лезть и жить дальше. Если я, конечно, хочу жить. Я просила лишь правду. Мне сказали: лучше бы я жила в неведении. Ольгу не только избили, но и изнасиловали — притом не единожды, и это был не один человек.

Я же правдолюбка — побежала к следователю. Он лишь посмеялся надо мной, а потом вообще ударил и провёл небольшую лекцию, которая сводилась к тому, что если я не прекращу копать, то пройду путь своей подружки.

Я не перестала и не перестану. Буквально вчера утром получила письмо «счастья» от неизвестного: если я не перестану совать свой нос, мне его оторвут, перед этим выебав куда только можно. Мама Ольги тоже боится за меня. Но я ре-

шила идти до конца. Буду собирать компромат, любые улики. Благодаря тому, что я работаю в самом презентабельном ресторане нашего города, где собирается вся элита, это не так уж и сложно. Надо просто затихнуть и ждать. А ждать я умею.

Сна ни в одном глазу. Иду в ванну, чищу зубы, принимаю душ. Вода горячая, она обжигает кожу, но я стараюсь гнать мысли из головы о том, что здесь я нашла Ольгу. Слышу трель телефона. Кому я понадобилась в восемь утра? Принимаю звонок.

— Могу я услышать Добровольскую Диану?

— Да, это я. А в чём дело?

— Большакова Галина Анатольевна указала вас как экстренный контакт...

— Да в чём-дело-то? — я начинаю терять терпение.

— Галина Анатольевна в центральной больнице. Сожалею...

Дальше всё как в тумане. У Ольгиной матери большое сердце. Неужели оно не выдержало? Или её напугали так же, как меня? Залетаю в больницу, медсестра провожает меня к доктору. Сердечный приступ. Ну вот они и встретились с Ольгой. Вытираю слёзы — время ещё не пришло для слёз. Я одна у них осталась, похоронами заниматься некому.

Дома не появляюсь третий день. На работе вошли в моё

положение, дали выходные. Торчу на их квартире. Собираю немногие их вещи. Квартира была в ипотеку — её просто заберёт банк. На кухне разбираю продукты — всё идёт в мешок. На столе замечаю тетрадь, кидаю её в мусор. Она падает рядом с пакетом, открывается. Замечаю Ольгин почерк. Читаю — и волосы на голове дыбом встают. Это Ольгин дневник. Боже, если его нашла Галина Анатольевна и прочла...

Подонок, какой же он подонок. Она всё писала в этой тетради, выплёскивала всю боль. Роман не только спал с ней, но и подкладывал её под других. Она всё беспрекословно выполняла. Он настолько запудрил ей мозги, что говорил, будто ему нравится видеть, как её трахают другие. Извращенец. Ему нравилось связывать её и избивать. А она терпела. Плакала, просила остановиться. Собиралась уйти от него. А он угрожал, что сделает её знаменитой. Отправит записи, как она трахается со всеми подряд, и первой это увидит её мать. Подонок.

Освобождаю квартиру от вещей. Вещи раздаю соседям, мусор отправляю в мусорные баки. Оставляю только фотографии и её дневник. Сегодня ещё похороны. Оглядываюсь по сторонам. В последние дни чувство, что за мной следят.

Проверяют, чтобы глупостей не наделала? Не когда мне их делать. Нужно держаться, а потом пойду в полицию. Тетрадь — прямое доказательство доведения до самоубийства.

Возле своего дома замечаю стоящее такси. Водитель, заметив меня, выходит из машины. На вид ему лет пятьдесят.

— Девушка.

Останавливаюсь, держусь на расстоянии. Мало ли.

— Вы мне?

— Да. Вы одна пока самая адекватная.

Уже познакомился с нашими жильцами. Хвалю!

— Вам чем-то помочь?

— Да. Я четыре месяца назад девушку подвозил. Вы, наверное, её знаете, она вашего возраста. Волосы русые.

Он что, об Ольге говорит?

— Вы об Ольге?

Показываю ему фото в телефоне. Он кивает.

— Да, да, это она. Она в таком состоянии была — живого места не было. Я предлагал в полицию, а она ни в какую. Сказала, дома ей помогут. А потом я услышал, что она покончила с собой.

Он говорит, а я смотрю на человека, который видел её в последний раз. Он же свидетель. И молчал столько времени. Мы же искали свидетелей, на телевидение обращались!

— Почему пришли только сейчас? Мы же искали свидетелей!

Я кричу на него, а он по сторонам оглядывается.

— Поймите, у меня тоже семья. И меня в городе не было.

Я не понимаю, тогда что он здесь делает. Он суёт мне в руки телефон.

— Вот, она обронила. Я и так грех на душу взял. Но не просите — никуда не пойду, я жить хочу.

Он садится в машину и уезжает. Кручу в руках Ольгин телефон. Его очень следователь искал. И мы так и не поняли: раз она дома была, где был её телефон?

В полицейском участке на меня смотрят как на больную. Меня не слушают, меня просто выставляют вон.

— Станислав Валерьевич, вы не понимаете...

Он не даёт мне договорить, перебивает.

— ДОБРОВОЛЬСКАЯ, ТВОЮ МАТЬ! Насколько я знаю, вы не родственники. Ближайший родственник — это мать. Я знаю, она скончалась. Сердечный приступ, если не ошибаюсь... — вот он, урод. — Ты никто. ТАК ЧТО ПОШЛА ОТСЮДА!

Он выплёвывает эти слова мне в лицо. Но я упряма.

— Я не уйду.

— Слушай сюда, пигалица, тебе жить надоело?

— У меня есть доказательства, что Ольгу довели до самоубийства.

— Да и какие это интересно? — он хмурится.

— Её дневник. А точнее, полное описание издевательств Романа над ней. А ещё я телефон её нашла.

— Где? — его глаза загораются. — И где он?

— Чтобы он неожиданно пропал? Нет уж, увольте. Вы или

дальше ведёте это дело, либо я отправлю всё это на центральное телевидение. Как думаете, они захотят поработать с этой новостью?

Он закрывает кабинет на ключ. Сердце падает куда-то вниз.

«Ой, дура, идиотка, зачем сказала!»

— Дневник, говоришь... Телефон — это хорошо...

А дальше тихо добавляет, в его глазах даже что-то на жалость проскальзывает.

— Красивая девка же, но ты сама виновата.

Бросаюсь к двери, пытаюсь её открыть. Смотрю, как он телефон к уху прижимает. Ждёт, кто ему ответит. Но там, видно, не хотят говорить — сбрасывают.

— Выпустите меня! — голос осип. — Вы же полиция, вы должны защищать! А вы...

Хочется выть от отчаяния, но я не покажу им своих слёз. Я же в полиции, что он мне сделает? Да, припугнёт и всё? Ведь так? Эй, моё второе «я», ты где? Решило спрятаться? Отлично, когда я в тебе так нуждаюсь, чтобы не сойти с ума.

— Вот чего тебе, Диана, спокойно не сиделось? А? Сидела бы и бед не знала. И что ты добилась? Ольга твоя сама виновата. Неужели она не видела, какой Роман подонок? Если честно, мне тебя жалко. — он сбрасывает звонок, так и не позвонившись. — Давай так: мы сейчас едем к тебе домой, ты мне отдаёшь эту тетрадь, телефон. Взамен я обещаю тебе свою защиту. Ты девка красивая, видная. Ну что, договори-

лись?

— Защиту? — у меня в голове только одно: меня не убьют. Не зря я, как увидела его, подумала, что дядька хороший.

— Ну да. Обещаю: тебя никто не тронет, пока ты подо мной.

Я вздрагиваю. Что значит «подо мной»?

— Я с вами... — показываю пальцем на него, на себя. Он кивает, улыбается. А меня тошнить начинается. Он же мне в отцы годится, и он толстый и старый. Фууу.

*«Так, Диана, собралась. Улыбнулась. Он тебя домой до-
везёт, а в своих стенах лучше думается. Диана, соберись».*

Может, мне прямо сейчас перед ним ноги раздвинуть?

Но всё-таки тяну губы в улыбке. Главное — домой попасть, там документы, деньги.

Мы подъезжаем к моему дому. Всю дорогу думаю, как мне смотаться от него. Почему я такая невезучая? И где тот громила? Он бы сейчас ой как пригодился. Оглядываюсь — и кого позвать на помощь? Местных пьяниц? Он поворачивается ко мне.

— Диана, без глупостей.

Кладет мне свою руку на коленку, ведёт вверх. Хорошо, что я в джинсах, а не в платье как обычно.

— Может, в квартиру зайдём?

Даже улыбку на губах тяну и голос вроде не дрожит. Хотя

я уже осматриваюсь, чем его по голове могу шандарахнуть.

Пока поднималась на свой этаж, он меня три раза по заднице ударил. А когда я вздрагивала, ржал как идиот. Перед дверью сжимает мою многострадальную пятую точку. От неожиданности ключи падают на пол. Он кряхтит, поднимает их и заходит первый.

— А ты кто такой?

Выглядываю из-за спины полицейского. Бритоголовый парень стоит в проходе, сложив руки на груди.

— Девку я забираю. — парень даже позы не меняет. Смотрит прямо на меня.

Мамочки, а это кто такой?

— Да что ты говоришь? — бычится мой «защитник». Да мой! Этому можно мозги запудрить или, в конце концов, по башке дать. А этому бугаю, даже если битой по башке захватить, только битую сломаешь. Хотя...

Бритоголовый лишь плечами пожимает, и даже выражение лица не меняет.

— От Терентьева привет. Ты её не видел. Усёк.

Мой защитник сдувается, мне кажется, даже ростом меньше становится. Косится на меня.

— Она должна кое-что отдать. Ему будет интересно.

Мне пиздец. Вопросов, зачем я ему понадобилась, не возникает.

Теперь оба переводят взгляд на меня. Парень пальчиком меня манит, чтобы я в квартиру зашла, и ласково так гово-

рит:

— Диан, давай без глупостей.

Трясу головой, ещё и твёрдое «нет» добавляю.

— Я с вами никуда не поеду. У нас тут дела?

Хватаю за руку опешившего полицейского, тяну из квартиры. Он отталкивает меня от себя.

— Ты шизанутая, отвали.

Может, я головой ударилась и сейчас в коме нахожусь.

«Ты давно уже на голову ушибленная».

Это карма, точно карма. Я в прошлой жизни, наверное, столько грехов совершила, что теперь расплачиваюсь.

Бритоголовый шаг ко мне делает, в своё тело меня впечатывает.

— Вы с головой дружите или как? Я человек, имею права в конце концов!

Следователь начинает нервно смеяться.

— Ты идиотка? Отдай ему всё, и может быть, он тебя пожалеет.

— Ничего я вам не дам, поняли?! — кричу на него.

Он подпрыгивает, поднимает руку. Сжимаюсь, ожидая удара, но его не поступает. Приоткрываю один глаз. Парень что-то говорит ему, тот кивает, а потом уходит. Просто уходит! И это наша доблестная полиция, которая нас защищает и бережёт.

Парень смотрит на меня долгим взглядом, а потом выдаёт:

— Вещи будешь собирать?

— Какие на фиг вещи? Ты вообще кто такой?

— Ясно. — парень разговаривает со мной как с душевнобольной. — Значит, налегке поедешь.

Толкает меня к выходу, начинаю упираться. Но куда мне с моим «метр с кепкой» с двухметровым громилой справиться? Но я живой не дамся.

Парень об этом тоже начинает догадываться, лишь черты-хается и, достав из кармана платок, капает на него из бутылочки. Надвигается на меня.

— Я думал, будет проще.

Стараюсь увернуться. Но он берёт меня в захват и прикладывает платок к лицу. Вонючий запах заполняет носоглотку — резкий, химический, он обжигает горло. Стараюсь вдохнуть воздуха, царапаю его руки ногтями. Сознание начинает уплывать, мне не хватает воздуха. Секунда — и наступает темнота.

Глава 3

Устал, сука, как же я устал. В голове одно — снять напряжение. Неделя без бабы, а сперма уже бьёт по мозгам. Надо быстро найти шлюху, которая выдержит мои предпочтения, а то точно пришибу кого-нибудь. И что, сука, меня всё бесит? Вокруг одни идиоты. Нормально ничего разрулить не могут. Ещё Демьян — сказочный долбоёб, возле своей сучки как козлик скачет. Ну беременная она — и что? Повод срываться с важного совещания и нестись ей за селёдкой под

шубой, мать его? А сегодня она что учудила? Мела, блядь, ей захотелось! Да не обычного школьного мелочка, а со стройки который. Асбест ей, блядь, принеси, пусть жрёт!

Так, всё! И чего я на Лику так взъелся, нормальная девчонка, просто беременная.

Надо срочно потрахаться!

Звонок отвлекает. Демьян, сууукаааа. Но брат ведь, блядь, хоть и не по крови. Беру себя в руки.

— Да.

— Брат, ты прости, но Лика...

— Да мне насрать на твою Лику! Ты дело делай! — не смог сдержаться, сорвался.

— Хан, ты мне брат. Но Лику не смей обижать. Она не подстилка, она мне жена. — слышу нотки угрозы. Знаю, виноват. Знаю, что она не обычная девочка. Знаю, что Анжелика хорошая. Знаю, что она жизнь отдаст за Демьяна.

— Прости, брат. Кто у вас хоть будет-то? — перевожу тему. Снижаю тон — это всё от недотраха.

— Ты что, сомневаешься? Пацан, конечно. Только вот УЗИ делали... — телефон пиликает входящей смс. — Посмотри на моего сына.

Смотрю на фотку и не могу понять, где тут что смотреть.

— Головастик какой-то.

— Ей-ей, брат, притормози. О сыне моём ведь говоришь! Что, не видишь руки, ноги, голову?

Да не хера я не вижу, но не хочу обижать Демьяна.

— Угу... а писун-то где?

Демьян ржёт. А я правда пытаюсь рассмотреть, где тут ноги и руки. А в груди что-то ёкает. Может, тоже ребёнка завести? А что? Наследник мне нужен.

Найду чистую девочку, заплачу ей бабла, пусть родит и валит. Они только для этого и созданы. Да и не создан я для семейной жизни.

Какая баба выдержит мои закидоны? Да и предпочтения в постели маленько не нормальные у меня. Да, я люблю связывать их. Люблю трахать только раком. Могу и спереди выебать, но только пусть меня не трогают, не прикасаются, не лезут целоваться. Всё эти нежности — не по мне. Да и плачу я за свои закидоны всегда выше их ценника.

Поговорив с братом о делах, сбрасываю звонок.

— Какой клуб ближе всех?

— Танькин, — отвечает водитель.

— Давай туда. — хоть напряжение сброшу, а то уже мозги детей завести захотели. Ну всё, Хан, приплыли.

В клубе снимаю сразу троих. Предупреждаю сразу — прикоснутся — руки сломаю. Два часа их уже деру, но чего-то не хватает. Мысль о тихой, свежей, чистой девочке точит мозг и не хочет уходить. Застёгиваю брюки, одеваю пиджак, спускаюсь вниз. Сажусь за барный стол. Нравится мне Танькин клуб — все понимают без слов. Коньяк и девочка в коротком

платье тут как тут. Трусы-то хоть одела? Нет. Понятно.

Вот где я найду в этом городе девочку? В школе? Сомневаюсь. Чтоб чистую девочку найти — надо с рождения её опекать. Да уж, не удивлюсь, если рядом стоявшая ещё учится.

— В каком классе?

— А? — делает круглые глаза и губы уточкой.

Ой, всё! Бабы, кто вам сказал, что это нас заводит? Какой идиот это вам втемяшил?

Спина напрягается. Чувствую, кто-то дыру в моей спине прожигает. Резко поворачиваюсь — вижу хозяйку заведения.

— Упс, какие люди! Хан, какими судьбами?

— А то ты не знаешь, — голос расслаблен. — Ты одна?

— Одна. Хочешь компанию составить?

— Не сегодня. У тебя новеньких нету?

— Ты же знаешь, что я этим давно не занимаюсь!

— Да? Очень жаль! А то хотел сделать заказ.

Голос Макса отвлекает.

— Хан, я насчёт Терентьева!

Протягивает руку — пожимаю в ответ. Киваю ему, идём с ним на выход. Закуриваю, выпускаю дым в небо.

— Ну что там?

— Терентьев в край охренел. Условия сделки решил поменять. Типа это мы виноваты, ещё и неустойку нам вlepить хочет.

— Не понял. Это же его люди заporоли всё дело.

— Ну и я об этом. А он решил дурачком прикинуться, в несознанку пошёл. Твердит одно и то же.

— Блядь! Ладно, сам с ним разберусь. Прокачусь до городка своего детства. Заодно напoмню, кто хозяин. А то смотрю, все расслабились пока меня не было, сразу геморрой какой-то появился.

Сажусь в тачку, набираю Амира. Он не сразу, но отвечает.

— Сталкер, ты мне нужен.

— Да заебал ты? — ржёт Амир.

— Ну а кто ты? Опять за ней подсматриваешь и в штаны дронишь? Давай, отрывай руку от члена и дуй ко мне.

— Какой же ты гандон.

— Я знаю. А вы долбоебы. Влад со своей вернулся?

— Нет ещё!

— Там помощь нужна?

— Свечку хочешь подержать? — опять ржёт, а потом серьёзно добавляет: — Как будет нужна, он позвонит. Куда подъезжать?

— Я возле Танькиного клуба. Возьми с собой ребят. Давай, жду.

Амир появляется минут через тридцать, пересаживается ко мне в тачку. Протягивает руку — жму её и не могу не подъехать.

— Надеюсь, ты не ею дрочил.

— Да заебал ты. Я даже не видел её сегодня.

— Ага, так я тебе и поверил. Слушай, она дочка прокурора, который копает под тебя. Который мечтает засадить тебя за решётку и новые звёздочки на погоны пришить. Ты понимаешь, что ходишь по краю? Он закрывает глаза. Пока закрывает. Но дочь он тебе не простит. Забудь её.

— Отец года прям. Который растит дочку, чтобы повысить продать, чтоб подняться повыше. И не важно, что её мужем станет тот, кто ей в дедушки годится. Да?

— Я понимаю тебя. Но давай ты не будешь нарываться. Ты помог ей, спас. Он закрыл глаза на многое в наших делах. Всё, мы разошлись как в море корабли. Я не буду вытаскивать тебя из задницы.

— И не надо, я сам разберусь. Что у нас с Терентьевым?

Разберётся он, как же. Так же, как Демьян с Владом разобрались. Да, с Демьяном я немного перегнул. Ну, там всё реально на девку указывало. Ладно, надо к нашей проблеме возвращаться.

— Берега попутал немного мужик. Надо на место поставить.

— Понял.

Дорога до соседнего города занимает два часа. За это время пробил, что он не дома, а сегодня гуляет. Пробыл ресторан, где он находится. Подъезжаем к главному входу. На входе нас тормозят. Заебали, совсем расслабились, забыли, кто хозяин. Вижу Терентьева, который побелел, забегал взглядом по своим людям. Но они делают вид, что не при делах. Правильно — своя шкура дороже. Пересекаю зал, не отвожу взгляд от заигравшегося выскочки. Он выдавливая улыбку.

— Хан, какими судьбами?

Сука.

— А то ты не знаешь?

Развожу полы пиджака, прячу руки в карманы, чтобы не нарочно не въебать ему раньше времени.

— Хан, насчёт поставки. Я всё вовремя отправил. Бумаги у меня на руках.

— Ты деньги получил?

— Да. Но я же говорю...

— Слушай сюда. Я с этими людьми давно знаком, я с ними с самого начала. И ни разу у меня не было такого наеба. Стоило мне расслабиться...

— Вот именно! Они почувствовали и... Хан, я точно не при делах, у меня все документы... Хан... Я правда не при делах...

Отступает к чёрному ходу, не успевает скрыться в дверях. Одним ударом валю его на землю.

— Терентьев, ты меня достал.

Слышу звон стекла. Перевожу взгляд на девушку-официантку. Она прямо на осколки упала, но даже не пискнула, не закричала. Вижу же по лицу, что больно, но она молчит. Немая, что ли?

— Хан, ну не здесь же.

Амир залетает за мной следом, тоже видит девушку, подбегает к ней, помогает подняться.

— Оу. Не ушиблась?

Красивая! Волосы русые — заплетены в хвост на макушке. Лицо кукольное, глаза в пол лица, губы припухлые. Натуральные, интересно, или тоже накачала? Небольшая грудь и аккуратная задница. Платье задралось — вижу кружево чулок и белые трусики.

— Эй, малышка, ты в порядке?

Смотрит прямо на меня, а я зависаю. Первый раз у меня такое, чтобы от тёлки так повело. Вижу, как она от Амира

руки свои вырывает, суёт их под воду, смывает кровь. Становлюсь позади неё. Она такая маленькая — едва до плеча мне достаёт, и то на каблуках. Вдыхаю её аромат. От неё чем-то сладким, неуловимым пахнет. У меня член стойку принимает. Блядь.

— Тут швы нужны.

Говорю это резко, она вздрагивает, опять смотрит на меня. Амир перебивает.

— Твою мать, ты не мог аккуратней этому мудиле вьёбать... Или подождать.

— Я и так долго ждал, — рычу на него, а сам с девчонки глаз не свожу. — Малышка, всё нормально.

Она лишь пожимает плечами, заворачивает руку, которая больше кровоточит, в полотенце. Но это ни хрена не поможет — тут только зашивать надо.

— Всё нормально. Мне работать надо.

Голос тихий, спокойный. Обходит меня, но я не даю. Перекрываю ей путь, беру её ладони в свои. Кожа у неё мягкая, тёплая, а под пальцами — пульс, быстрый, как у загнанной птицы.

— Мой косяк — значит, мне и исправлять. Идём.

И зачем я это сказал? Просто жалко её. У неё в глазах жизни нет. И тут у малышки голос прорезается, глаза огнём вспыхивают. Ого, да ты девочка с огоньком.

— Эй, большие боссы, если вы не заметили — я тут работаю. На хлебушек зарабатываю. Пусти.

Вырывается, а у меня другие планы на неё.

— Амир, этого... — кошусь на малышку, — домой к нему отправь и жди меня там. И Тамаре скажи, что по моей вине её официантка пострадала. Скажи, убытки компенсирую.

Поднимаю её на руки. Она лёгкая, как пушинка. Вижу, что готовится заорать, грублю ей:

— Только попробуй заорать — вырублю.

Пристёгиваю её, а она только молнии глазами в меня не кидает. Интересная она, забавная.

Чувствую, как изучает меня, рассматривает. А я баранку сжимаю от злости. Мне проблему решать надо, а я девку в больничку везу.

— Извините, а куда мы едем?

— А ты как думаешь?

Смотрю на неё и прихуюеваю от её ответа.

— Избавляться от свидетеля.

Интересная она. На воробышка похожа. Такая же маленькая, а храбрится.

— Ещё варианты есть?

— Других нет.

Торможу резко — хорошо, пристегнул её, а то впечаталась бы в приборную панель. Пока она глазами хлопает, опять поднимаю её на руки. Василич вылетает навстречу. Вопросов не задаёт. Хоть тут меня не забыли.

— Определённо швы. Светочка, приготовь анестезию...

— Нет. У меня аллергия, — кричит малышка и в кушетку

вжимается.

— Так, понятно.

Они начинают копошиться, а малышка губы поджала и выдаёт:

— Доктор, зашивайте уже.

— На живую?

— Да.

Смотрю на неё. Она даже не морщится, губу лишь закусилла и на меня глаза перевела. Смотрит, а там такая боль плещется — и она за меня как за спасательный круг вцепилась.

— Ну вот и всё. Молодец. Не мочить. Завтра ко мне на перевязку.

— Я в свою схожу.

— Она приедет.

Перебиваю её. Ещё раз увидеть её хочу. А может, и нет. Увидим.

— Твою мать.

Ругается она и в меня впечатывается. Ловлю её, чтобы в асфальт не впечаталась. Как можно на таких ходулях ходить? Тут и ноги недолго переломать.

— В чём дело?

Спрашиваю её, лепечет что-то про сумку. Открываю заднюю дверь и протягиваю ей её сумку. Она в ней копошится, проверяет всё ли на месте.

— Садись, — говорю ей, открыв дверь.

— Спасибо, я такси вызову.

Телефон достаёт, такси она вызовет. Повышая голос на неё:

— Не беси меня, САДИСЬ.

— А если не сяду, то что?

Она бессмертная, что ли? От горшка два вершка, а гоно-
ру!

— Хочешь узнать?

— Спасибо, но дальше я сама.

— Садись, я сказал. Я виноват, ты по моей вине постра-
дала. Так...

Начинаю оправдываться перед этой пигалицей, а она пе-
ребивает:

— Слушайте, спасибо вам за помощь. Я без претензий.
Правда. Но дальше я сама. Мне ваша помощь не нужна.

Смотрит на меня как на маньяка. Может, я со стороны так
и выгляжу? Бешеный, да ещё и со стояком.

— Да блядь! В кого ты такая упрямая? Садись, до дома
довезу. Не бойся. Не трону.

— Нет.

Заебала! Усаживаю её в машину, пристёгиваю.

— Адрес.

— Я могу такси вызвать.

— Ну и отлично, значит, ко мне.

Пугаю её, смотрю прямо в глаза.

— Нет.

— Адрес.

Она фыркает и всё же называет. А выёбывалась-то!

— Вы что, добрый самаритянин?

— Нет.

— Я бы сама добралась.

— Я же сказал: по моей вине пострадала.

— И что? Другой бы даже не обратил внимание.

— Я не другой.

Я дебил. Надо Амира с ней послать — и зачем я сам поехал? Запах девчонки забивает нос. Вспоминаю, как она боль терпела. Интересно, если я её свяжу — она будет сопротивляться? А если отшлепаю? Так и вижу её кверху задницей. А внутри она такая же маленькая или раскупорил кто? Член в штанах дымить начинает.

— Вы не здешний?

— У тебя заниженный болевой синдром?

Спрашиваю её, пропускаю вопрос о себе. Смотрю прямо на неё, а она нервничать начинает.

— Вы это... на дорогу смотрите.

— Не бойся, у меня всё под контролем. Ты так и не ответила!

— Я привыкла к боли. — говорит тихо, отворачивается к окну.

— БДСМщица, что ли? — улыбаюсь. Отлично, даже уговаривать не придётся.

— Чего? Нет! С чего вы взяли! — она даже кривится на этих словах.

Понятно, мимо. Чего она там спрашивает, с чего взял?

— Другая бы уже в обморок упала от боли, а ты...

— Иногда физическая боль ничего не значит по сравнению...

В голосе — обречённость. Сам не понял, как спрашиваю её:

— Что случилось? Могу помочь?

Она ничего не говорит. Притормаживаю возле её дома. Она благодарит и уходит. Даже имя её не спросил. Но это не проблема для меня. Хотя?

Не моя тема! Не моя проблема! Встряхиваю головой и еду к Терентьеву. Меня и так там заждались.

Глава 4

Терентьев уже битый час втирает мне про какие-то бумаги, ездит мне по ушам. Вижу, сука, что врёт или не договаривает, но доказать пока не могу. Где проёб? Где проглядел?

— Кто следил за отправкой? Кто сопровождал?

— Роман, — видит вопрос в моих глазах. — Племянник мой.

— Которого ты недавно хорошо так отмазал. Да? — спрашиваю его.

— Да там дело плёвое. Да он и не при делах. Она сама за ним таскалась, сама под мужиков ложилась, а потом вены себе вскрыла.

— Всё сама, прям?

— Да там и подмазывать не пришлось. Следак — наш человек. Там мать воду мутит. Но у неё сердце больное. Правда, там ещё девка нос свой суёт. Но с этим я разберусь.

— Что за девка? — оживает Амир. Ну всё, синдром защитника включился. — Как звать?

— Диана. Фамилия... Добровольская. Да точно, Диана Добровольская. Подружка её. Но её предупредили, вроде притихла.

— Сергей, ты от темы не уходи. Бумаги мне все быстро и племянничка своего пригласи — с ним тоже разговор будет. Он мнётся. Глаза отводит. Переглядываемся с Амиром.

— Ну... — поторапливаю, чтоб быстрее соображал.

— Роман сейчас не здесь, но я его вызову. — Банкир начинает суетиться, бумагами шуршит. — Всё из-за этой сучки. У него депрессия. Он её любил, а она шлюхой оказалась. Я ржать начинаю вместе с Амиром.

— У кого, блядь, депрессия?

Видел я этого зажавшегося мажора. У таких депрессия будет, если только бабки закончатся.

— Терентьев, даю тебе три дня. И это я добрый сегодня. Через три дня чтоб племянничек был на месте. С грузом я сам разберусь.

Ухожу, оставив своих людей, чтоб Терентьев глупостей не наделал.

— Амир, ты чего лыбишься? — ставлю чашку с кофе на стол. Подаю знак официанту, чтоб рассчитал нас.

— Да я тут одной девочке решил помочь.

— Амир, я три дня землю носом рою, чтоб разобраться и в дураках не остаться. А ты у нас девочек спасаешь. Ты ничего не попутал?

— Да я чувю, там с нашим делом всё переплетается.

Отпускаю официанта, жду, когда отойдёт.

— Это блядь каким образом?

— Помнишь Терентьев про девку говорил, ну что она вены себе вскрыла. И ты прикинь, если предположить, что девка прежде чем умереть, сутки с нашим Ромой зажигала. А по словам Терентьева он наш груз сопровождал. Нестыковочка, не находишь? Я там за девчонкой слежку установил.

А я про девчонку с огромными глазами вспоминаю. Два дня её застать не могу — соседи не знают, где она, на работе сказали — взяла выходной. У неё там то ли тётка, то ли мать умерла. Ладно, пусть живёт, она и так в жизни, видно, натерпелась, чтоб мои заебы исполнять. Ещё и Амир, сука, тоже сталкером меня прозвал.

— Я говорю, хорошая девочка, помочь надо.

— Вот и помоги, — рявкаю на него.

— Даже не посмотришь, кто такая? — Амир улыбается, а мне ему въебать хочется.

— Нет. Главное, чтоб не малолетка, а то тебя к таким тянет.

Швыряю салфетку на стол. Встаём вместе с Амиром, он лыбится как чеширский кот.

— Я тут подумал: ей защита нужна. Пусть пока всё не разругим и не разберёмся, она у тебя поживёт?

Я даже замер. Смотрю на Амира — у него лицо poker-фейсом. Не пойму, он так пошутил, что ли!

— Чего?

— Да она всё за правду борется. Боюсь, найдет себе неприятностей. Её либо грохнут, либо на хор пустят.

— И что? Если она тупая и не может вовремя остановиться — её проблемы.

— Да там дело тёмное. Роман её подругу использовал — под всех подкладывал. Вскрытие показало множественные синяки и изнасилование группой лиц.

Пока шёл на выход, слушал его внимательно. Суки. Я, конечно, к девкам тоже не очень хорошо отношусь. Но они живыми от меня уходят и здоровыми, и с баблом. Всё по обоюдному согласию.

— Подружка каким боком сюда относится?

— Да она с матерью девушки все пороги обошла. Терентьев к ней своих людей поставил, чтоб следили. Надо взять её под своё крыло. Чую, она — начало нашего клубка. Пасут её не просто так — она что-то знает. Да и Терентьев дёргается, когда про девку слышит.

— А чего он её так долго мурыжит? Давно бы выбил из неё информацию. Хотя она может что-то знать и не догады-

ваться, какой информацией обладает.

— Вот и я про это, — загорается Амир, опять лыбу тянет.
— Так что оформляю её к тебе.

— А на хера ко мне? Сам не можешь за ней приглядеть?
У тебя тоже охрана большая.

Гляжу на часы, говорю водителю, чтоб прибавил — мы на встречу опаздываем.

— Ты у нас закоренелый холостяк. А я не сдержусь, когда возле меня двадцать четыре часа будет красивая девочка вертеться.

— Так пусть не вертится, посади её под замок, — я начинаю злиться.

— Я уже приказ отдал, чтоб посылку аккуратно к тебе домой доставили.

— Амир! Ты блядь охуел! Что я с бабой в доме делать буду?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.